

История культуры русского зарубежья

Яна-Мария КУРМАНГАЛИНА (РОССИЯ)¹

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПЕРВОЙ ВОЛНЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

«...Госпоже правой ноге Аниной. Город Коврик. Паркетная губерния».

«Аня в Стране Чудес», В.В. Набоков, 1923 г.

Раскол, разделение народа – одна из самых больших трагедий для любого сообщества, объединённого одной культурой, общей национальной идентичностью, одним языком.

Рас-стояние: версты, мили...
Нас рас-ставили, рас-садили,
Чтобы тихо себя вели
По двум разным концам земли. (...)

– писала Марина Цветаева в 1925 году, в своём стихотворении, посвящённом Борису Пастернаку, ухватив и выразив в лаконичных строках всю суть волны эмиграции начала 20 века. В такие переломные моменты, в тёмные времена, о которых потом, в будущем, станут не раз писать, говорить, вокруг которых, кажется, никогда не утихнут культурологические дискуссии, особо страдают самые незащищённые слои населения, а именно – дети. В этой статье мы поговорим именно о них.

В 1923-1925 годах учащиеся русских гимназий в странах, принявших беженцев после революции, писали сочинения на тему «Мои воспоминания о России начиная с 1917 года и до поступления в гимназию». Первое исследование на эту тему проводилось в Чехии, в гимназии городка Моравска Тшебова, граничившего с Германией. Возраст учеников – от шести до девятнадцати лет. Время, за которое требовалось написать сочинение – два академических часа. Так сложились сначала две небольшие книги: «Воспоминания детей-беженцев из России» и «Воспоминания 500 русских детей», которые предварили собой большой сборник, дополненный дальнейшими исследованиями, под названием «Дети эмиграции». Казалось бы, пластичное детское сознание должно было, в определенном смысле, мифологизировать реальные воспоминания, однако перед нами предстают сложные тексты в самых разнообразных жанрах: семейные саги, исторические хроники, мемуары, автобиографии, наивная

¹ Информация об авторе опубликована в разделе «Редакция» (стр. 5).

публицистика, в которой просматривается влияние художественной литературы. Тема России на переломе истории оказалась решена детьми с непосредственной честностью и старанием. Не избежали дети и серьёзных вопросов, мучавших не только их, но и старшее поколение. Один из учеников-подростков спрашивал: «В России остался почти весь русский народ, а здесь остался очень маленький процент. Кто из них прав? Тот, кто остался и перенесёт болезнь государства, или тот, кто избежал этого? Этот вопрос часто меня смущает».

Детей, живших благополучной устроенной жизнью, в эмиграции 20-30 годов было мало. Поводом для зависти товарищей служило даже то, что ребёнок шёл из гимназии домой, а не в приют, куда часть деятелей эмигрантского просвещения сдавала собственных детей, считая, что на тот момент им было бы полезнее обучение в условиях интерната или детского дома. Это позволяло отчасти решить материальные проблемы ребёнка, занять его время работой по хозяйству, оградить от преступного мира. Данная идея воплощалась в жизнь с большим трудом. Известно, что, например, при той же гимназии в Моравской Тщевове был создан интернат – Марина Цветаева отдала туда свою дочь Ариадну в августе 1923 года. Девочка тоже участвовала в опросе на тему воспоминаний о России. И она оказалась одной из очень немногих, чья дальнейшая судьба, из всех участников исследования, нам известна. Беспризорников, малолетних бродяг, ночующих в сомнительных местах, готовящих уроки на коленках, подрабатывающих где попало, называли «беспастушной скотиной», по подобию метафоры из библейского Нового Завета. Размытый уже образ родины удерживался в головах юных изгнанников силой детской памяти о годах пребывания в России, где семья, дом, собственное, ещё неокрепшее «я» пребывали в гармоничном единстве. Сохранить Россию в сознании нового поколения должны были такие основы, как родной язык, привычная школьная программа, русская литература. «Дети улиц» из романтических книг и «бедные сиротки» из дореволюционной русской литературы уже не котировались. Дети, оставшиеся без родины, были уникальной аудиторией читателей, к которой требовался особый подход: иные герои, иное изображение действительности, иная форма диалога между взрослым и ребёнком. «Дайте же русским детям хоть какую-нибудь реализацию утешительного мифа» – писал в 1928 году А.В. Амфитеатров в своем обращении «К русскому сообществу». Утешение стало главной идеей эмигрантской литературы для детей и юношества. К тому же, эмигрантов очень долго поддерживала вера в то, что если не им, то их детям предстоит вернуться домой, на родину.

Создание детско-юношеской литературы русской эмиграции предвосхитило стихотворение В.В. Набокова «Революция», которое он

написал в 1917 году в возрасте восемнадцати лет. В нём он выразил свои детские впечатления от волны террора и разрухи, накрывшей его родной Петербург, и обозначил границы, отделившие детские книги старой формации от книг новой. Разделила их, конечно же, тема революции, проникшая в детские произведения:

Я слово длинное с нерусским окончанием
Нашёл нечаянно в рассказе для детей
И отвернулся я со странным содроганьем.
В том слове был извив неведомых страстей:
Рычанье, вопли, свист, нелепые виденья,
Стеклянные глаза убитых лошадей,
Кривые улицы, зловещие строения,
Кровавый человек, лежащий на земле,
И чых-то жадных рук звериные движенья...
А некогда читать так сладко было мне
О зайчиках смешных со свинками морскими,
Танцующих на пнях весною при луне!
Но слово грозное над сказками моими
Как пронеслось! Нет прежней простоты;
И мысли страшные ночами роковыми
Шуршат как старые газетные листы!

В отличие от советских писателей, эмигранты имели только общественную поддержку, поэтому русских зарубежных детских книг было значительно меньше. Да и задачи у советской литературы и литературы эмиграции имели существенные различия. Однако по уровню материала эмигрантские произведения для детей не уступали метрополии, а в некоторых моментах и превосходили то, что выходило в советской печати. Надо заметить, что по сей день история детской книги русского зарубежья изучается исследователями фрагментарно: в контексте общего анализа исторических вех, или более частных направлений, таких, например, как развитие просвещения, периодических изданий или книжного дела в целом. Комплексных научно-исторических работ, которые бы рассматривали движение и развитие детской книги, её создание и распространение за рубежом в указанный период до сих пор не существует. Ясно только одно: детская книга формировалась в тяжёлых экономических условиях, в общем потоке книгоиздания, и её выход сопровождался теми же трудностями, что и издание всей эмигрантской литературы в целом. Однако, несмотря на значительные финансовые трудности и отсутствие постоянной издательской базы, практически все издательства русского зарубежья так или иначе принимали участие в выпуске детской литературы. Ведущим издательским центром по выпуску книг для детей и юношества на Западе был Берлин. На Востоке – Харбин. Большая часть

русских издательств в Берлине возникла в 1921-1922 годах и работала до 1923-1924 годов. Кроме того, в Германии образовывались специализированные детские издательства, такие как «Ёлочка» (1921-1922), «Волга» (1922-1928), «Новая книга» (1923-1924), в совокупности выпустившие небольшое количество детских книг, многие непрофильные издательства, выпускающие беллетристику, классику и научно-популярные издания, дополняли свой репертуар детской литературой.

В Харбине выпуском детской литературы занималось издательство М.В. Зайцева, продержавшееся на плаву с 1923 до 1945 года. За время существования своего предприятия М.В. Зайцев, владевший так же книжным магазином «Русь», выпустил 150 книг разнообразного содержания, но детская литература всегда вдвое превышала, по совокупности, тиражи беллетристики. Издательство сотрудничало со всеми книжными центрами русского зарубежья, особое внимание уделяя парижским русским авторам: самым крупным заказом было издание детских книг для русскоязычной Франции. Печатались там книжки и для харбинских детей. Путь издательства был довольно труден, но несмотря на японскую оккупацию Маньчжурии, оно смогло удержаться на книжном рынке. И только в пору войны на Тихом океане Михаил Васильевич Зайцев был вынужден свернуть издательскую деятельность: после окончания русско-японской войны и установления в северной Маньчжурии просоветской власти он разделил судьбу многих русских эмигрантов, не успевших или не захотевших пересечь из Харбина в Шанхай. В последние свои годы он работал начальником издательства газеты «Русское слово» и журнала «Русская речь», а в 1946 году был арестован «СМЕРШ» и приговорён к 10 годам лишения свободы. Судя по разрозненным обрывкам совершенно неочевидной и малоизученной информации, можно предположить, что там он и погиб. В настоящее время книги издательства Зайцева, особенно детские, имеют ценность и продаются на узкоспециализированных аукционах за большие деньги.

Эмигрантов, занимавшихся издательской и писательской деятельностью, волновала проблема отрыва от корней юного подрастающего поколения, оказавшегося вдали от родного языка и культуры. Издатели стремились сохранить национальную идентичность детей так же и за счет выпуска проверенных текстов классиков, в том числе и на иностранном языке. Очень много издавали, конечно же, Пушкина, поскольку его имя стало основой культурной идеологии русской эмиграции и символом утраченной родины. Однако, при всей популярности обращения к классикам, новые произведения современных авторов, творивших в обозначенный период, издавались чаще, чем классические. Впрочем, писатели-современники не

останавливались исключительно на детской литературе, так же, как ни один из авторов не имел своего постоянного издателя. Это были авторы, чьё участие в детской литературе носило эпизодический характер, наряду с потоком взрослой литературы. Например, свои силы в создании произведений для детей пробовали Н.А. Байков, А.М. Ремизов, В.Я. Куликовский, А.А. Яблонский. И, конечно же, яркими примерами деятельности в области детской литературы являлись писатели-эмигранты Саша Чёрный и Владимир Набоков.

Меткому, ироничному поэту, прозаику, журналисту Саше Чёрному, человеку непростой, а в чем-то даже уникальной судьбы, эмигрировавшему сначала в Литву в 1918 г., а затем в Европу, сам бог велел обратить внимание на детскую литературу. Оставаясь, по сути, вечным ребенком, и уже создав для детей России «Живую азбуку» и «Тук-тук!», он написал в эмиграции такие книги, как «Детский остров» (1921), «Сон профессора Патрашкина» (1924), «Дневник фокса Микки» (1927), «Кошачья санатория» (1928), «Румяная книжка» (1930).



Обложка книги «Детский остров». Автор Саша Чёрный, изд. 1921 год.
Фото из сети.

«Детский остров» стал его первой книгой для детей за рубежом. Несмотря на то, что некоторые стихи датируются 1912-1916 гг., большая их часть была написана в Вильно. Переживания маленькой девочки, которая потеряла своего плюшевого мишку, разговор ангелат с апостолом в раю о его детских годах – вот что интересует поэта, стремящегося укрыться от печальной действительности в обособленном от внешних перипетий, кошмаров войн и революций, собственном уголке детства:

– А потом? «А потом я учился там в школе, –
Все качались и пели, – мне было смешно,
И учитель, сердясь, прогонял меня в поле.

Он мне слово, я – два, – и скорей за окно...
В поле я у ручья забирался под мостик,
Рыбок горстью ловил, сразу штук по семи». Ангелята спросили: – За хвостик? «За хвостик».
Ангелята вздохнули: – Хорошо быть детьми...

(Из стихотворения «В раю»)

Книга была издана в Берлине, куда поэт перебрался через два года после Литвы. Иллюстрировал её, создав созвучную текстам визуальную гармонию, художник Борис Григорьев, который незадолго перед тем покинул Советский Союз с женой и пятилетним сыном Кириллом, переправившись на лодке через Финский залив. Детские стихи навсегда останутся для Саши Чёрного страной воспоминаний, землёй обетованной: за 14 лет в эмиграции, до самой своей смерти во Франции, случившейся после того, как он помогал соседям спасти их дом от пожара, он написал около двадцати детских книг.

Несмотря на сложности в издании своих произведений, эмигранты уделяли большое внимание культуре детства. Ежегодно проводился праздник – День русского ребёнка, и выпускался альманах с одноимённым названием. Альманахи и сборники были более предпочтительной формой издания, так как иную было трудно обеспечить. Среди наиболее известных книг подобного формата – «Сборник стихотворений для детей», составленный Л.А. Коварским (Париж, 1921), двухтомная хрестоматия «Радуга. Русские поэты для детей», составленная Сашей Чёрным (Берлин, 1922), «Молодая Россия: Сборник для детей», под редакцией Саши Чёрного (Париж, 1927), «Колос. Русские писатели русскому юношеству» (Шавиль, 1928), «Русская земля. Альманах для юношества (ко Дню Русской культуры)», опять же, под редакцией Саши Чёрного и философа В. В. Зеньковского (Париж, 1928).

Писатели-эмигранты были более свободны в выражении своих взглядов и художественном поиске, чем советские авторы. Они посвящали свои произведения дому и семье, избегали темы кровопролития в историях о России, но были честны и откровенны в обращении к подрастающему поколению. Дополнительное качество обрёл реализм: писатели старались так рассказать о потерянной родине, чтобы её образ заменил юным умам саму Россию. Отсюда чёткая детализированность описаний. Но чем реалистичнее был образ дореволюционной России, тем менее реальным он казался детям. Способствовали тому описания снов, видений, фантазий, которые включались в рассказы и повести наравне с деталями и сценами быта. Само понятие действительности в формирующемся сознании ребенка-читателя колебалось: что есть действительность – страна, о которой так много рассказывают отцы, или та земля, существующая за окном здесь

и сейчас? Очень близким к мироощущению эмигрантов оказалось русифицированное переложение Керролловской «Алисы» Владимиром Набоковым, выпустившим, под псевдонимом В. Сирин, книгу «Аня в стране чудес» (1923).



Титульная страница книги Л. Керрола в переводе В. Набокова «Аня в стране чудес», изд. 1923 год. Фото из сети.

К персонажам английской истории писатель добавил персонажей из обязательной программы русских школ: Рюриковичей и Мономаховичей. Песни, которые поёт Аня, тоже отсылают нас к русским хрестоматиям: «Крокодилушка не знает / Ни заботы, ни труда...». Книга по своей сути совершенно необычная. Тогда ещё совсем молодому Набокову удалось, казалось бы, невозможное: перевести и погрузить произведение Льюиса Керролла в стихию русского быта и русской речи. Аня – это вовсе не Алиса. Аня – русская девочка, чья родина находится далеко за пределами Страны Чудес, но внутренняя её родина там, где и ноги, у которых есть собственный адрес: «Город Коврик. Паркетная губерния».

Писатели-эмигранты, несмотря на общую неустроенность повседневности, старались не лишать детей светлого образа новообретённой земли, так как понимали, что Париж для детей – это то же самое, что Петербург для их родителей, и что любовь к России не должна мешать любви к местам реальной нынешней жизни. Но, говоря об определенном историческом периоде, обратимся, для полноты картины, к бытованию и развитию детской литературы в метрополии. Там было всё иначе. Начиная с 1917 года советская власть взяла курс на воспитание «нового человека», и перед деятелями культуры, а так же перед традиционной школой, встал вопрос о том, как относиться к культурному наследию, какие книги нужны и полезны детям.

Дискуссии по этому поводу возникали жаркие, вопросы вставали на повестках дня в прессе, отображались в творчестве писателей, отражались в документах Народного комитета просвещения. В 1921 г. при комитете был создан Институт детского чтения, в задачу которого входило изучение психологических особенностей современного ребёнка-читателя и рецензирование выходящих книг. В 1922 г. в Петрограде была создана студия детской литературы, в которую входили С. Маршак, Б. Житков, В. Бианки, Л. Пантелеев, Е. Шварц, Б. Чарушин и многие другие. Позднее эта плеяда авторов стала основой детского журнала «Воробей» (1923-1925), через некоторое время переименованного в «Новый Робинзон». В Москве с 1925 года стали издаваться журналы «Пионер» и «Мурзилка», в которых публиковались произведения Л. Кассиля, стихи Маяковского и Маршака. Но в конце 20 годов комитет просвещения возглавили люди, далекие от литературы: в настоящее время их бы назвали «эффективными менеджерами». Они требовали только современной реалистической тематики для детской книги, отрицая любой вымысел, фантастику, сказку. Нападкам подвергались все авторы, в том числе, писательская элита, создававшая произведения для детей. В 1929 г. А.В. Луначарский, сделавший многое для развития детской книги и советской педагогики, выступил с докладом «Пути детской литературы», в котором резко критиковал тех, кто не признавал специфику произведений для детей и «запрещал» народную сказку для чтения детям. Против подобных запретов выступал и Максим Горький, в своих статьях «Человек, уши которого заткнуты ватой», и «О безответственных людях и о детской книге наших дней». Таким трудным путем устанавливались идейные принципы развития детской книги, сближая ее, сращивая с новой действительностью.



Обложка книги П. Бляхина «Красные дьяволята», изд. 1960 год.
Фото из сети.

Постепенно развивалась проза для детей. Рассказать о революции и гражданской войне было крайне непросто. Одним из ярких образцов такой прозы в 20-е годы была повесть П. Бляхина «Красные дьяволята» (1923), в которой впервые были описаны подвиги и приключения крестьянских ребят в период гражданской войны. Успех повести был основан на крепком детективно-приключенческом сюжете, героических подвигах юных бойцов, преданности делу революции. В 1966 г. режиссер Э. Кеосаян поставил по этой повести всем нам известный кинофильм «Неуловимые мстители». Надо сказать, что полноценные, затрагивающие реалии войны, художественные произведения появились не сразу. Чаще всего её события и участие в ней детей описывались, как весёлая авантюра, что не давало юным читателям правильного представления. В большинстве книг герои, десятилетние или тринадцатилетние дети, проявляли безмерную храбрость на фронтах, показывали поразительную везучесть, разрабатывали сложнейшие стратегические планы, одерживали победы над неприятелем и всегда приходили на помощь взрослым, проявляя чудеса смекалки. Позже это явление в советской детской литературе назвали отдельным термином – «детский авангардизм». Правда пришла чуть позже: с повестью А. Неверова «Ташкент – город хлебный», изображавшей жизнь людей в тяжёлых условиях войны, с автобиографической повестью А. Гайдара «Школа», с пошедшим путем аллегорий и сказки романом о революции «Три толстяка» Ю. Олеши, и, конечно, книгой «Республика ШКИД» Г. Бельх и Л. Пантелеева, ставшей значительным литературным явлением.

Конечно, глядя на картину в целом, уже из совершенно иной эпохи, мы ясно осознаем всю разницу тех идеологических подоплёк. Если детская литература в Советском Союзе строилась на ценностях, основанных на идеалах нового государственного строя, то особенности эмигрантской детской литературы были обусловлены её задачами и условиями развития. Это литература, созданная вне связи с геокультурным пространством, литература для читателей с билингвистическим мышлением, во многом питаемая славянофильско-народнической идеологией, где детям прививалось уважение к народу, как носителю стихийной нравственной идеи. Впрочем, и тут не обходилось без полемики и критики этой идеологии: И.А. Бунин в 1923 г. написал сказку «О дураке Емеле, который вышел всех умнее», где представил злую карикатуру на мужика, а заодно и царскую власть, так легко отдавшую трон «дураку». Так же продолжилось увлечение фольклором, вошедшее в литературную моду ещё до революции, – в русскоязычной периодической печати выходило много русских народных сказок, былин, песен. Красота и мудрость народной культуры были доводами в пользу любви к России – в эмиграции к фольклору не раз обращались и поэты, и художники, и композиторы. Например, та же

Марина Цветаева, тот же Игорь Стравинский. К традиционной для русских либералов идеологии была привита идея индивидуализма, во все времена культивируемая на западе, для адаптации юных эмигрантов к условиям новой жизни. Личные интересы ребенка ставились писателями выше расплывчатой общей пользы или неоправданных запросов других людей, так же, как безусловность идеала товарищества – для писателя такая позиция в Советском Союзе была бы, как минимум, опасна. Подготовленный читатель-ребёнок подспудно внимал критике «просвещенного» общества, где писатели-эмигранты не искали самооправдания, но сознавали всю трагедию свершившегося, всю трудность своего пути. И говорили об этом детям и внукам: «Ещё в школе ты читал в учебнике истории, что вторую русскую революцию – некоторые называют её великой – подготовили социальные противоречия и сделали распутившиеся в тылу солдаты петербургского гарнизона. Не верь! Революцию подготовили и сделали мы. Революцию сделали кавалеры ордена Анны третьей степени, мечтавшие о второй», – писал И. Савин в своем эссе-послании «Моему внуку», написанном в 1927 году – куда-то в 60-е годы. «...всякая жизнь играет поистине Божьим огнем. (...) Не гаси же его, дорогой внук! (...) Не ной, не хныкай, не брюзжи, чтобы не очутиться у разбитого корыта, как твой вздорный дед. Не опрокидывай жизнь вверх дном! И не делай революций... Бог с ними!».

Бог с ними! – хочется повторить вслед за И. Савиным. По обе стороны границы писатели связывали образ детства с образом родины, но видели эту связь по-разному, исходя из существующих здесь и сейчас реалий. Ребёнок Советского Союза был плотью и кровью молодой страны строящегося социализма, а ребёнок, живший в эмиграции, был «новым Робинзоном», которому, после лишений, трудностей, преодоления всех преград, предстояло вернуться домой. В это, до определенного момента, верили все. И несмотря ни на что, детская литература эмиграции выполняла своё главное предназначение: воспитала в своих детях чувство русской родины, не дала забыть о русских корнях, избавила сознание поколения изгнанников от чувства горькой обиды и желания отомстить. А это, как мы понимаем, дорогого стоит, когда:

Расселили нас как орлов –
Заговорщиков: версты, дали...
Не расстроили – растеряли.
По трущобам земных широт
Рассовали нас как сирот.

М. Цветаева

Список использованной литературы:

«Литература русского зарубежья, 1920-1925», антология в шести томах, Москва, изд. «Книга», 1990 г.

«В рассеянии сущие...», Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века», Москва, изд. «Дом-музей Марины Цветаевой», 2006 г.

«Русские поэты после 1917 года: эмигранты против оставшихся», Михаил Мельников, «Аргументы и факты», 8.11.2009 г.

Интернет-сайт «Наследие А. В. Луначарского», <http://lunacharsky.newgod.su>, обзорный материал «Анатолий Васильевич Луначарский о детской литературе, детском и юношеском чтении».

Интернет-сайт историко-культурного журнала «Наше Наследие», <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/12305.php>, вступительная статья Е. И. Лубяниковой к материалу «Ариадна Эфрон, Воспоминания о детстве» («номер 123, 2017 г.

Официальный интернет-сайт «русского шанхайца» Михаила Дроздова, <http://russianemigrant.ru/tag/izdatelstvo-m-v-zaytseva-harbin>, материал «Издательство М. В. Зайцева (Харбин)».

Зайцев, Михаил Васильевич, страница в «Википедии», https://ru.wikipedia.org/wiki/Зайцев,_Михаил_Васильевич.

Электронная библиотека «Максима Мошкова, Чёрный Саша: собрание сочинений, http://az.lib.ru/c/chemyj_s/.

Универсальная научно-популярная энциклопедия «Кругосвет», Чёрный, Саша, https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/CHERNI_SASHA.html.

«Эмиграция в жизни и творчестве Саши Черного: Германия – Италия», текст научной статьи по специальности «Литература. Литературоведение. Устное народное творчество», Жиркова М. А. https://cyberleninka.ru/article/n/emigratsiya-v-zhizni-i-tvorchestve-sashi-chernogo-germaniya-italiya?gclid=CjwKCAjwnf7qBRAtEiwAseBO_FUSpdSS1DyIx_oo9jAuP6xBsR-pORk_waNd2izXY-DdfuAdACh_vxoCDT8QAvD_BwE.

Миленко Виктория. Саша Чёрный: Печальный рыцарь смеха. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 2014.

Интернет-версия текста лекции «Первая волна эмиграции: русская культура за рубежом», <https://arzamas.academy/materials/1368>.

«Аня в стране чудес» и некоторые Набоковские переводы, <http://nabokov.gatchina3000.ru/misc/anya12.htm>.

Интернет-сайт «Классическая литература», материал «Литература 30 годов 20 века: общая характеристика и особенности, представители, соцреализм», https://classlit.ru/publ/literatura_20_veka/obshhie_temy/literatura_30_kh_godov_20_veka_obshhaja_kharakteristika_i_osobennosti_predstaviteli_socrealizm/89-1-0-617.

Интернет-сайт «Справочник», материал «Культура русского зарубежья», www.spravochnik.ru.

Интернет-сайт “Детские чтения”, материал “Особенности издания детской книги русского зарубежья” в 1920-1940-е гг.”, А. Димьяненко, <http://detskie-chtenia.ru/index.php/journal/article/download/182/173/>.

«Детская литература русской эмиграции 20-30-х годов», интернет-материал, сайт <https://studfiles.net/preview/4582855/page/31/>.

«Дети эмиграции. Воспоминания. По изданию – Прага, 1925», изд. «Аграф», 2001 г.

СПАСИБО ПОЭТАМ ЗА ДУШЕВНУЮ САМОРАСТРАТУ

С поэтом, главным редактором журнала «Эмигрантская лира» Александром Мельником я познакомилась на Международном русско-грузинском поэтическом фестивале (организованном президентом Международного культурно-просветительского союза «Русский клуб» Николаем Свентицким). В первом номере этого журнала в 2015 году была опубликована подборка моих стихов, рецензию к которым написал замечательный поэт и литературный критик Даниил Чкония (спасибо Александру и Даниилу за все добрые слова)... Прошло четыре года – я читаю свежий номер журнала и вижу на его страницах имена знакомых по фестивалю в Грузии поэтов: Андрея Грицмана, Александра Радашкевича (так хорошо, уютно моим стихам на его чудо-острове!). Одну из рубрик в этом журнале ведет родная мне душа – прекрасный поэт из Кишинева, председатель Ассоциации русских писателей Молдовы Олеся Рудягина. Радуюсь таким встречам на страницах популярного издания.

Прежде всего, обращаю внимание на стихи. В который раз удивляюсь их интонационному разнообразию, мозаичной пестроте образов, смыслов и форм – и чувствую кожей легкий озноб, когда душа притрагивается к настоящему...

«Смотри, как на крючке остывший плащик / вобрал изгиб, оставленный спиной» (так потрясающе рисует уверенными мазками Марина Гарбер);

«Только вижу, как ты меня забывая – / никак не можешь забыть» (а это уже Ребекка Левитант). У неё в стихотворении «Камень» есть пронзительные строки о словах, которые поэтесса точит о камень души:

Я точу их, чтоб были остры, как нож.
Не поранься, когда их руками возьмёшь.
А вонзятся если в сердце твоё,
с благодарностью это прими копьё.

Нина Косман находит удивительную формулировку поэтическому ощущению: *«А что это значит – мне ли не знать, / когда с летом прощается небо»*.

А Екатерина Егоренкова – щедро осыпает поэтическими драгоценностями: